

Голосъ

Российская Социальдемократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Л. 19265

Социальдемократъ

Годъ II.

Ноябрь-Декабрь 1909 г.

№ 18.

СОДЕРЖАНИЕ: Трешины третье-юньского зданія. — Партийные перспективы. — Волонтеръ. Англія и Россія въ Персіи и средне-азіатскій вопросъ. — Б. И. Профессиональные союзы и третья Дума. — А. Мартыновъ. — Кто ликвидировалъ идейное наследство? — Дѣло Х. Раковскаго въ Румыніи. — В. Никитинъ. Красные выборы (письмо изъ Германіи). — По Россіи: Петербургъ, Екатеринославъ. — Александръ Вас. Коробовъ — «Оводъ» (некрологъ). — Письма въ редакцію. — Изъ партийной литературы. — Отчеты.

Трешины третье-юньского зданія.

Язвенный запахъ тлѣнія доносится отъ всей третье-юньской системы. Это — еще не смерть ея, но это — агонія.

Мы слишкомъ часто и слишкомъ подробно говорили о причинахъ, дѣлающихъ неизбѣжнымъ разложение этой системы, чтобы нужно было возвращаться къ этому вопросу теперь, когда всѣмъ доступные факты говорятъ громче всякихъ словъ и убѣдительнѣе всякаго теоретического извѣстія. Что старое „купеческое сословіе“ — и не какоенибудь „инородческое“, а исконно русское — начинаетъ побѣждать въ Россіи. Пернова („Новое Время“) превращается въ буржуазію европейскаго пошиба, а эта буржуазія начинаетъ уже чувствовать, какъ ее самое давятъ тѣ колодки, которыя, при ея содѣйствіи, набили на всю страну царизмъ и дворянство, — это показали московскіе выборы по 1-ой курії. Голосуя за кадета противъ октябристовъ, московскіе тороговопромышленные тузы голосовали, прежде всего, противъ самихъ себя, противъ своего тѣтища: третье юна и октябризмъ, давшій ему политическое выраженіе, были бы невозможны, если бы крудная буржуазія не приложила своей руки къ ихъ созданію. Теперь, когда, обжегшись, она грозитъ отнять эту руку, старое зданіе даетъ трешины, а участники уголовно-политического романа мечутся въ поискахъ за новыми средствами для продолженія авантюры.

Какъ и следовало ожидать, болынѣе всего начинающейся поворотъ въ политическомъ настроеніи капитала ударили по октябристамъ — этимъ присяжнымъ маклерамъ третье-юньской сдѣлки. Теряя своего крупно-буржуазного клиента, октябризмъ теряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ самый смыслъ своего существованія. Его лидеръ — вчера еще „первый человѣкъ“ въ министерской передней — получаетъ отставку „въ чистую“, а сама „партия“ расползается по всѣмъ швамъ, какъ гнилой кафтанъ. Октябристскій създѣ попытался было приспособиться къ мѣняющемуся настроенію своего главнаго клиента, занять „лѣвую“ позицію и дать „конституціональны“ директивы своей парламентской фракціи. Эти потуги только лишний разъ и особенно рѣзко подчеркнули полное безсиліе пережившаго себя „союза 17 октября“. Рожденный контрь-революціонной злобой, вскорѣмленный третье-юньскимъ предательствомъ, воспитанный на лакайской роли при министрѣ военно-полевой расправы, разверзенный до мозга kostей мелкимъ политиканствомъ, „союзъ“ можетъ умереть, можетъ еще втеченіе болѣе или менѣе долгаго времени влечь все болѣе безславное и болѣе жалкое существованіе, — жить и переродиться онъ не можетъ. Зигзагу „влѣво“, сдѣланному създѣ на словахъ, не соответствовали и не могли соответствовать никакія дѣла.

Трудно было удачнѣе разоблачить этихъ фарисеевъ „конституціонализма“, чѣмъ это сдѣлала наша фракція, внеся запросъ о нарушеніи 96 статей основныхъ законовъ. Запросъ касался реорганизации арміи и флота — той области, на которой октябристы болѣе года строили свою политическую карьеру. Онъ касался одновременно и бюджетныхъ правъ Думы — этихъ жалкихъ правъ, которыя, однако, восхвалялись октябристами, какъ могучее орудіе въ рукахъ Думы для влиянія на всю правительственную машину. Именно поэтому достаточно было Столыпину слегка сдвинуть брови, чтобы

октябристские „конституціоналисты“ поспѣшили бросили свой конституціонный мечъ и — вмѣсто гордой и независимой позы, которую они пытались принять еще при первомъ оглашеніи соціальдемократического запроса съ трибуны Государственной Думы — ударились въ паническое бѣгство. Собравшись, согласно директивамъ своего съѣзда, защищать конституцію 17 октября, эти „молодцы“ начинаютъ съ того, что еще разъ предаютъ даже „конституцію“ 3-го юна, заранѣе развязывая самодержавію руки для всѣхъ дальниѣшихъ конгрѣ-революціонныхъ переворотовъ.

Мимолѣтный припадокъ октябристского „конституціонализма“ не могъ какъ и следовало ожидать, сугубымъ умиленіемъ передъ юнильско-националистической травлей, которой вновь заверглась Финляндія и которую винила на своемъ знамени новая опора столыпинского „обновленного строя“ — русская национальная фракція, образовавшаяся изъ сліянія националистовъ и умѣренноправыхъ. Пѣсенка октябристовъ спѣта, и новая фракція должна послужить надежнымъ приѣзищемъ для крысъ, покидающихъ тошній корабль. Она должна въ то же время служить угрозой третье-юньскому правительству фронтирующей крупной буржуазіи — править во славу монархіи и дворянства безъ нея и противъ нея. Она должна служить напоминаніемъ о „новомъ 3 юна“, о которомъ недаромъ заговорилъ „освѣдомленный“ Меньшиковъ и къ которому приѣгнется правительство помѣшиковъ, если фронда буржуазіи перейдетъ въ политическую оппозицію. Зигзагу крупной буржуазіи вѣроѣтно соотвѣтствуетъ зигзагъ правительства вправо, его открытая солидаризация съ дворянствомъ („я самъ помѣщикъ“ — заявилъ Столыпинъ), угроза новымъ государственнымъ переворотомъ въ пользу дворянства, словомъ, — неизбѣжное обостреніе борьбы внутри третье-юньского блока и разоблаченіе его истинной природы, какъ политической диктатуры дворянства.

Этому усиленному напору соціального и политического крѣпостничества октябристы не противостоятъ и не могутъ противостоять усиленного выдвиженія соціальныхъ и политическихъ требованій буржуазного общества. Они соередоточиваютъ свои усилия на замазываніи вскрываемыхъ ходомъ общественного развитія противорѣчій и, прогнаные съ поста довѣренныхъ лицъ столыпинскаго министерства, протягивають руку за милостию своимъ „правымъ“ замѣстителямъ, восхваляя ихъ „государственную“ мудрость и высокія „национальны“ чувства. Именно эта жалкая и бессильная позиція, порожденная всей исторіей развитія и внутреннимъ строеніемъ октябристского союза, лишаетъ его всякой возможности переродиться въ партію, отстаивающую послѣдовательно интересы хотя бы капиталистического слоя буржуазнаго общества. Не говоря уже объ интересахъ этого общества въ цѣломъ, и дѣлаетъ агонію третье-юньскаго режима смертью октябризма.

Можно оцѣнить поэтому всю „государственную“ мудрость г. Маклакова (Моск. Ежен. № 40), который совѣтуетъ своей партіи, побѣдившей октябристовъ въ Москвѣ, послѣдовать примѣру цѣбѣжденныхъ и поставить свою главную задачу „примиреніе съ государственностью“ тѣхъ, кто „поневолѣ видѣлъ на ней одно зло“. Само собою понятно, что не отвлеченню „государственность“ въ смыслѣ признанія необходимости общественной организаціи имѣть въ виду г. Маклаковъ, ибо тогда — съ кѣмъ и съ чѣмъ онъ борется и о

иальные интересы, безъ нарушения государственныхъ, (и промышленныхъ, прибавили бы они. Б. И.) и никто рѣшительно противъ этого ничего не пожелаетъ вразить. Но для правительства, запрещающаго рабочимъ устройство танцевальныхъ вечеровъ и закрывающаго кооперативы, для подлинного правительства охранныхъ отдаленій съ Курловымъ во главѣ, и эта программа показалась бы слишкомъ радикальной. Какъ извѣстно, щедринскій учитель каллиграфіи Линкинъ, проповѣдовавший: «сѣйте горохи, сажайте капусту, а о прочемъ не думайте», — былъ и за это подвергнутъ лютой изи.

И вотъ эта то безудержная наглость столыпинского правительства, не желающаго терпѣть самыхъ мирныхъ организаций, самыхъ невинныхъ культурныхъ начинаний, если только они исходить отъ рабочихъ; эта раздражающая политика, разстраивающая всѣ планы октябрьского «спокойствія» и октябрьскихъ «реформъ» и тащая въ себѣ, какъ имъ мерешиится, возможность новыхъ варварствъ негодования и новыхъ волненій въ странѣ, — и придала смѣстью октябрьскимъ выразить недобреніе тому самому министерству внутреннихъ дѣлъ, которое они все время такъ самоотверженно поддерживаютъ. Какъ извѣстно, они предложили формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ (принятую всей Думой противъ правыхъ и соц.-демократовъ), въ которой они называютъ практику мѣстныхъ по дѣламъ объ обществахъ присутствій, «потрывающіе довѣріе къ атмѣ учрежденій, затруднія россійскимъ поданнымъ осуществление законнаго права образовывать союзы и общества», и приглашаютъ Столыпина принять мѣры для исполненія закона 4-го марта.

Таковы результаты этого первого большого выступленія по рабочему вопросу, результаты, которые наши товарищи должны использовать возможно шире въ своей агитации. Оказалось, что всѣ буржуазныя партии, до октябрьской включительно, выразили неодобрение правительству въ этомъ вопросѣ, и правительство было поддержано исключительно черносотенцами. Политикъ преслованій этими выступленіями, конечно, не будетъ положенъ конецъ, и судя по послѣднимъ газетнымъ свѣдѣніямъ, они еще усиливаются. Но борьба, ведущаяся нашими товарищами за легальное существование союзовъ должна удвоиться, особенно въ виду наступающаго промышленного оживленія, и она несомнѣнно дастъ положительные результаты.

Оканчивая свою рѣчь, т. Покровский сказалъ: «Естественно, что классовое правительство, правительство буржуазно-крѣпостническое, видѣть въ организованіи рабочемъ классъ своего непримиримаго врага (шумъ справа). Но, если въ настоящее время, въ періодъ безвременія, когда всякия общества на Руси погибли, задушены, когда надъ этимъ мертвымъ полемъ общественности рѣтъ только кровавый духъ полицайской государственности, если теперь, тѣмъ не менѣе, профessionальные союзы существуютъ, это показываетъ, что это явленіе жизненное, и никакія полицайскія рогатки не въ силахъ остановить рабочаго движенія; плотина будетъ разрушенна, и рабочій классъ завоюетъ себѣ права».

Пользуясь мѣткимъ замѣчаніемъ т. Чхеидзе, что для рабочихъ правительство закона 9-го ноября не придумаетъ и крошки пролетариата никогда не создастъ, можно къ этому прибавить, что непрофессиональные союзы, какъ выразился гдѣ то Марксъ, являются такимъ же продуктомъ капиталистического производства, какъ хлопокъ, рельсы и нефть; другими словами, что они такъ же неизбѣжно должны развиваться, какъ развивается самъ капитализмъ, и что, поощряя и насаждая вынуждены будуть примириться и съ существованиемъ профessionальныхъ союзовъ, со всѣми ихъ «излишествами и увлечениями».

Б. И.

Кто ликвидировалъ идеиное наслѣдство?

(Оценка роли пролетариата въ русской соціальдемократіи.)

Вопросъ о нашей, якобы, «ликвидациіи идеи гегемоніи пролетариата» выдвинулъ разлагающимся большевизмомъ, — какъ и слѣдовало ожидать, не въ связи съ очередными политическими задачами пролетариата, а въ связи съ очереднымъ кружковымъ инцидентомъ. Выходъ Г. В. Плеханова изъ редакціи «Голоса С.-Д.» по случаю недовольства его статьей Потресова, въ эту редакцію не входившаго, оказался очень удобнымъ поводомъ для принципіального «межеванія» съ меньшевиками, ибо для кружка, не имѣющаго контакта съ рабочимъ движеніемъ, принципіальное значеніе имѣть все то, что можетъ быть использовано для выгодныхъ «кружковыхъ комбинацій», хотя бы эти «комбинаціи» покупались цѣнной грубой лести тому, кто вчера еще третировался бѣ-камъ, какъ «правый меньшевикъ», «кадетский подголосокъ» и оппортунистъ въ области политической тактики... и который отъ «своихъ заблужденій» и не думалъ отрекаться. Такъ въ головахъ извѣстного типа «революционеровъ» преломляетсяialectическое правило — «отвлеченной истины нѣть, всякая истина конкретна».

«Отвлеченной истины нѣть», и потому редакція «Пролетарія» заказала своему сотруднику сочиненіе на слѣдующую «злободневную» тему: докажи, что съ самого зарожденія русскаго марксизма въ немъ имѣлись два течения — Плехановское и Аксельродовское, что Плехановъ въ 1889 г. на Интернациональномъ конгрессѣ формулировалъ идею гегемоніи пролетариата, которую вносили исходной точкой для всей тактики «скры», вслѣдствіе чего въ объявлении объ изданіи «Искры», ея редакція, въ которую входилъ Ленинъ, избрала своимъ «лозунгомъ» именно «слова Аксельрова». Затѣмъ въ 1901 году Аксельродъ первый обратилъ внимание на дурное предзнаменование того, что буржуазно-демократическая студенческая масса, а не с.-д. партія, въ то время взяла на себя ініциативу и открыла эру крупныхъ политическихъ демонстрацій. Наконецъ, въ 1906 г. на Стокгольмскомъ съѣзда докладчикъ П. Аксельродъ въ своемъ заключительномъ словѣ доказывалъ, что наша партія въ извѣстномъ смыслѣ должна придерживаться тактики Робеспіера, Марата и Дантона... Вы видите, заключилъ бы нашъ публицистъ, что наша большевистская идея «диктатуры пролетариата и крестьянства» есть только конкретизация того, что всегда говорилъ П. Аксельродъ!

Чтобы по указанному методу совершилъ «генеральное межеваніе» между Г. Плехановымъ и П. Аксельродомъ, нашему «писателю на заказъ» пришлось бы только замолчать два обстоятельства: во-1-хъ) то, что Г. Плехановъ, говоря о поддержкѣ либеральной буржуазіи, всегда и неизмѣнно исходилъ изъ того положенія, которое онъ высказалъ на послѣднемъ Лондонскомъ съѣзда: «Намъ говорятъ: вы дѣлаете пролетариатъ орудіемъ пролетариата... Пролетариатъ... можетъ топтать ногами все отжившее и пользоваться всѣмъ существующимъ для своей великой цѣли. Онъ можетъ и онъ долженъ поступать такъ, ибо онъ былъ, есть и будетъ главнымъ двигателемъ революціи въ настоящее время****). Съ другой стороны, пришлось бы замолчать, что П. Аксельродъ, говоря о пролетариатѣ, какъ авангардѣ революціи, всегда и неизмѣнно предупреждалъ отъ опасности его «изолированія» при современныхъ русскихъ условіяхъ. Это, конечно, два очень существенныхъ «умолчанія», но если этого требуютъ революціонные интересы «гегемоніи»... большевистскаго кружка, то передъ такимъ пустякомъ останавливаться не стоитъ, ибо «отвлеченной истины нѣть»...

Фельетонъ «Пролетарія» есть фальсификація исторіи, сознательно сбывающая съ толку рабочихъ. Возможность такой фальсификаціи объясняется тѣмъ, что терминъ «гегемонія пролетариата», который сталъ у насъ ходячимъ только съ начала искровскаго періода, сталъ постепенно такъ истилковываться большевиками, что человѣку, воспитавшемуся только на новѣйшей большевистской литературѣ, даже при добромъ желаніи, трудно понять, какой первоначальный смыслъ вкладывался въ этотъ терминъ «Группою Осв. Труда». А, между тѣмъ, понять это очень важно всякому, кто не желаетъ участвовать въ движеніи въ качествѣ Ивана, не помнящаго родства.

Поэтому, мы считаемъ весьма полезнымъ возстановить теперь действительную исторію возникновенія этой идеи у «Гр. Осв. Труда» и тѣ комплексъ понятий, который связывался съ этой идеей у «Гр. Осв. Труда», разобрать, кто именно, большевики или меньшевики, ликвидировали наше общее идеиное наслѣдство.

«Группа Осв. Труда» съ первого же шага своего, съ 1883 г., выступила во всеоружіи марксистскаго метода мышленія, но именно поэтому она за все время своего существованія, исходя изъ общихъ руководящихъ принципіовъ, въ вопросахъ тактики сообразовывалась съ мѣдицинскимъ соотношеніемъ силъ въ революціонномъ движеніи. Политические принципіи, изъ которыхъ исходилъ Г. Плехановъ въ 1883 и 84 гг. въ своихъ прошведеніяхъ, были слѣдующіе: во-1-хъ: «рабочій классъ очень важенъ для революціи»; безъ него революція не побѣдить; во-2-хъ: «соціалитету нужно подумать прежде всего о томъ, чтобы революція была полезна для

идею «рабочаго съѣзда», затѣмъ отстаивалъ «кадетскій лозунгъ» — «ответственное министерство», затѣмъ онъ преибражительно охарактеризовалъ, какъ простую «безактность», то, въ чёмъ «революціонное прыло» нашей партіи усматривало соль своей «тактики», и въ довершеніе всего изобрѣлъ алгебраическую формулу «полновластная Дума», способную, дескать, на время объединить оппозицію...

Таковъ кадетскій подголосокъ, Г. Плехановъ, — восхлинуль бы по-бѣдоносно большевистской публицистъ! Другое дѣло — П. Аксельродъ. Нѣкоторые «проницательные читатели» ставятъ ему въ вину, что онъ въ 1898 г. писалъ: «для принципіального политического антагонизма между нашимъ пролетариатомъ и либеральной буржуазіей почва еще не подготовлена». Но развѣ читатель не замѣтилъ, что непосредственно передъ этимъ, строчкой выше, онъ говорилъ: «О завоеваніи политической власти для себя или о реформѣ буржуазіаго общества подъ знаменемъ соціализма у насъ пока не можетъ быть и рѣчи?*) Очевидно, слѣдовательно, что Аксельродъ, цитированной выше фразой, хотѣлъ сказать лишь то, что мы нерекиляемъ эпоху буржуазной, а не соціалистической революціи. Но именно потому, что въ Россіи пролетариатъ и либеральная буржуазія имѣютъ еще общія задачи, П. Аксельродъ систематически предупреждалъ отъ грозящей намъ опасности подчиненія пролетариата буржуазнымъ или мелко буржуазнымъ влияніямъ. Уже въ 84 г. П. Аксельродъ, обращаясь къ рабочей интеллигенціи, въ виду этого писалъ: «вмѣсто того, чтобы тащиться во хвостѣ такъ называемыхъ интеллигентскихъ кружковъ, она должна направить всѣ свои усилия... на образование... рабочей партіи въ полномъ смыслѣ этого слова.**) Въ 1889 г. П. Аксельродъ опять-таки пропагандируетъ образование рабочей партіи, которая, какъ онъ указывалъ еще въ 84 г., должна стать во главѣ всѣхъ трудающихъ массъ, мотивируя это тѣмъ, что въ періодъ политического освобожденія «дворянство и буржуазія... будуть всячески стараться о возможно большемъ ограниченіи упомянутыхъ правъ для народной массы», что, напротивъ, «безвыходное положеніе» заставитъ всѣхъ сочувствующихъ свободѣ изъ высшихъ классовъ поддерживать пролетариатъ, какъ только они увидятъ въ немъ серьезную «революціонную силу.***) Далѣе, въ 1896 г. П. Аксельродъ въ «Послѣсловіи» къ брошюре «Объ агитации» первый забилъ тревогу при самомъ началѣ зарожденія «экономизма», видя въ этомъ угрозу политической самостоятельности нашего рабочаго движенія. Затѣмъ въ 1897 г. онъ начертілъ извѣстныя «двѣ перспективы», которая вносила исходной точкой для всей тактики «скры», вслѣдствіе чего въ объявлении объ изданіи «Искры», ея редакція, въ которую входилъ Ленинъ, избрала своимъ «лозунгомъ» именно «слова Аксельрова». Затѣмъ въ 1901 году Аксельродъ первый обратилъ внимание на дурное предзнаменование того, что буржуазно-демократическая студенческая масса, а не с.-д. партія, въ то время взяла на себя ініциативу и открыла эру крупныхъ политическихъ демонстрацій. Наконецъ, въ 1906 г. на Стокгольмскомъ съѣзда докладчикъ П. Аксельродъ въ своемъ заключительномъ словѣ доказывалъ, что наша партія въ извѣстномъ смыслѣ должна придерживаться тактики Робеспіера, Марата и Дантона... Вы видите, заключилъ бы нашъ публицистъ, что наша большевистская идея «диктатуры пролетариата и крестьянства» есть только конкретизация того, что всегда говорилъ П. Аксельродъ!

*) См. П. Аксельродъ. Истор. положеніе и взаимоотношеніе либер. и соціалист.

**) См. П. Аксельродъ. Рабочее движеніе и соц. демократія. XII.

***) См. П. Аксельродъ. Задачи рабочей интеллигенти въ Россіи. 1893 г., стр. 6.

****) См. проток. Лонд. Съѣзда. Стр. 313.

трудящагося населенія страны»; въ-3-хъ: «для него не должно оставаться потеряннымъ то обстоятельство, что соціализмъ зародился въ Россіи въ то время, когда капитализмъ былъ еще въ зародыши... Это были основные предпосылки, которыхъ «Группа Освобожденіе Труда» никогда не упускала изъ виду. Но изъ этихъ предпосылокъ принципіально новое вносило въ русскую революціонную мысль только первая. Поэтому всесторонней разработкой именно этого вопроса Г. Плехановъ въ 80-хъ гг. заложилъ прочный фундаментъ для русской соціальдемократіи. Что же касается другихъ двухъ предпосылокъ, связанныхъ съ вопросомъ о степени возможнаго вліянія пролетаріата на ходъ политическихъ событий, то эти конкретныя основы нашей тактики разработаны были «Гр. Осв. Труда» значительно позже — въ 90-хъ гг.

Въ 83 и 84 гг., когда Г. Плехановъ выступилъ впервые въ печати, какъ соціальдемократъ, онъ еще не терялъ надежды на то, что народовольческое движение возродится, ставши на точку зрѣнія научнаго соціализма, и что оно непосредственно приведетъ къ низверженію абсолютизма. Посколько же онъ представлялъ себѣ близкимъ паденіе абсолютизма, онъ при тогдашнемъ отсутствіи рабочаго движения, не могъ разсчитывать на слишкомъ большие успѣхи въ развитіи политической сознательности и организованности пролетаріата уже въ дореволюціонный періодъ. Поэтому въ то время, въ 83 и 83 гг., онъ еще весьма скромно опѣнивалъ возможную самостоятельную роль пролетаріата до революціи. Въ своей первой брошюре — «Соціализмъ и политическая борьба» Г. Плехановъ говорить еще, какъ о «нефантастической цѣли русскихъ соціалистовъ» о «выработкѣ элементовъ для образованія будущей рабочей соціалистической партіи Россіи». Тамъ же онъ говорить объ условіяхъ, при которыхъ удастся измѣнить уже въ періодъ революціи «соотношеніе силъ» въ пользу трудящихся классовъ, а «въ первый періодъ конституціонной жизни Россіи» рабочій классъ сможетъ выступить уже «въ качествѣ особой партіи».¹⁾ Такимъ образомъ, въ то время Г. Плехановъ считать еще наиболѣе вѣроятнымъ, что рабочая партія сложится лишь послѣ паденія абсолютизма; до этого же вѣроятнѣе всего успѣютъ сложиться лишь элементы для такой партіи. Въ такомъ же смыслѣ Г. Плехановъ высказывается и въ 84 г. въ «Нашихъ разногласіяхъ»: «когда исчезнетъ «пуганица» въ головахъ революціонной молодежи», говорить онъ тамъ, тогда «и рабочіе кружки не замедлятъ стать на правильную политическую точку зрѣнія. Борьба съ абсолютизмомъ войдетъ тогда въ новый и послѣдній фазисъ; поддержанная рабочей массой, политическія требованія передовой части нашего «общества» получать, наконецъ, столь давно ожидаемое удовлетвореніе».²⁾

Таковы были ожиданія Г. Плеханова въ 83 и 84 гг. Перспектива образования настоящей рабочей партіи до паденія абсолютизма и даже перспектива руководящей роли этой партіи въ революціи стала ясно вырисовываться передъ «Гр. Осв. Тр.» лишь постепенно по мѣрѣ того, какъ она, съ одной стороны, убѣжалась въ окончательномъ банкротствѣ прошлаго революціонного движения и въ связанномъ съ нимъ затяжномъ характерѣ переходной эпохи, съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ вновь стали обнаруживаться, хотя бы слабые, признаки политического пробужденія рабочихъ (майскія рѣчи рабочихъ въ 91 г.).

Поворотнымъ пунктомъ тутъ послужили голода 91 и 92 годы.

До голода, конецъ 80-хъ гг., какъ известно, характеризовался крайне упадочнымъ настроениемъ интеллигентіи, ея культомъ «маленькихъ дѣлъ», пропагандой нѣкоторыми революціонерами семидесятниками временнаго отказа отъ соціализма и революціи и ихъ переходомъ подъ знамя либерализма («Свободная Россія») и, наконецъ, полной простраціей либерализма. Въ этотъ періодъ глухой реакціи «Гр. Осв. Тр.» естественно занималась не столько гаданіями о степени сознательности и самостоятельности будущаго рабочаго движения въ будущей революціи, сколько доказательствомъ неизбѣжности самой революціи при условіи пробужденія пролетаріата. Въ этотъ періодъ она естественно сосредоточила свою анергію на борьбѣ съ упадкомъ революціонного духа интеллигентіи, на борьбѣ съ ея либеральными иллюзіями и ея разсчетами на либеральное дворянство и на призывъ молодого поколѣнія, «новой интеллигентіи» идти къ рабочимъ, которые одни лишь способны нанести смертельный ударъ абсолютизму. Этой злободневной темѣ посвящена была статья В. И. Засуличъ — «Революціонеры изъ буржуазной среды». Этой же отповѣдіи ренегатствующей интеллигентіи посвящены предисловіе Г. В. Плеханова къ «Рѣчи Петра Алексѣева» (89 г.) и его «Внутреннія обозрѣнія», «Соціальдемократъ» (90-92 г.), въ которыхъ онъ, бичуя нынѣшнее поколѣніе интеллигентіи, открываетъ передъ «новой интеллигентіей» новые пути на основаніи анализа русской дѣйствительности. Какъ же, все-таки, въ этотъ періодъ «Гр. Осв. Тр.» представляла себѣ возможную роль пролетаріата въ будущей революціи, поскольку она тогда на этомъ вопросѣ остановилась?

Авторъ, упомянутаго выше фельетона въ «Пролетаріи» утверждаетъ, что известная фраза, сказанаа Г. Плехановымъ на Парижскомъ конгрессѣ 1889 г., была первымъ возвѣщеніемъ идеи гегемоніи пролетаріата въ русской революціи, которую впослѣдствіи логически развили большевики. Нашъ фельетонистъ оказался, однако, слишкомъ «проницательнымъ читателемъ». Г. Плехановъ сказалъ на Парижскомъ конгрессѣ слѣдующее: «Она, наша революціонная интеллигентія, должна усвоить взгляды научнаго соціализма, распространять ихъ въ рабочей средѣ и съ помощью рабочихъ приступомъ взять твердыню самодержавія. Революціонное движение въ Россіи можетъ восторжествовать только какъ революціонное движение рабочихъ. Другого выхода у насъ нѣть и быть не можетъ».³⁾ Но «соціалистическая интеллигентія съ помощью рабочихъ брала приступомъ твердыню старого режима и на Западѣ въ 30-хъ и 40-хъ г.г., когда тамъ даже еще не существовало самостоятельного рабочаго движения. Очевидно, что Г. В. Плехановъ въ этой рѣчи въ яркихъ выраженияхъ повторилъ ту же, что онъ всегда говорилъ, начиная съ 1885 г., а именно, что пока не выступитъ на сцену революціонный пролетаріатъ, оппозиціонные и революціонные элементы Россіи останутся политически безъщіонными».

¹⁾ См. Плехановъ, Соціализмъ и политическая борьба. Соч. т. I, стр. 208—211.

²⁾ См. Плехановъ. Наші разногласія. Стр. 521, 522.

³⁾ См. «Междунар. раб. соц. конгрессъ въ Парижѣ». «Соціальдемократъ» 1890 г., стр. 29.

сильными, что повалить царизмъ можетъ только восстание рабочихъ. Но онъ здѣсь совершенно не касался вопроса о гегемоніи пролетаріата наканунѣ и во время революціи, т. е. о сознательномъ руководствѣ рабочей партіи въ эту эпоху другими классами или партіями¹⁾. Вложивъ въ эти слова идею гегемоніи пролетаріата можно было бы только на основаніи двухъ предположений; во 1), если допустить, что Г. Плехановъ отождествляетъ понятіе восстания («приступъ») съ болѣе общимъ понятіемъ — революціи; во 2), если допустить, что по мнѣнію Г. Плеханова нашу буржуазную революцію можетъ совершить одинъ пролетаріатъ безъ союзниковъ изъ другихъ классовъ. Но на такое наивное упрощеніе вопроса способны нынѣшние большевики или п. с. д. ки. Г. Плехановъ же никогда, ни дони послѣ 1889 г. въ такомъ пониманіи хода революціи не былъ повиненъ. Чтобы убѣдиться, какъ Г. Плехановъ дѣйствительно въ то время относился къ вопросу во всей его сложности, достаточно прочитать его «Внутренніе Обозрѣнія» въ февральской книжкѣ «Соціальдемократъ» за 1890 г. «Уже теперь», говоритъ тамъ Г. Плехановъ, «при всемъ разнообразіи революціонныхъ взглядовъ, ясно, что только два направления могутъ у насъ разсчитывать на будущее: либеральное и соціальдемократическое». Но русскій либерализмъ еще не опредѣлился въ соціально-политическомъ смыслѣ и въ настоящемъ его видѣ онъ нуль. Можно ли, спрашиваетъ онъ, «рассчитывать на политический смыслъ «общества», въ которомъ главную роль до сихъ поръ играетъ дворянство?... «Помилуйте, да вѣдь они и сами никогда на себя не разсчитывали! Остается рабочій классъ, на который указываютъ революціонерамъ соціальдемократы». Но рабочій классъ не будетъ одинокъ, ибо буржуазный либерализмъ еще не сказалъ послѣдняго слова: «Впрочемъ, точно ли оно (дворянство) играетъ до сихъ поръ главную роль?» спрашиваетъ себя авторъ. Оно является у насъ самымъ «культурнымъ» сословіемъ. Но измѣнъ, право, кажется, что въ своихъ отношеніяхъ къ правительству торговово-промышленный классъ проявляетъ гораздо больше злости... Купечество говоритъ въ прошеніяхъ тономъ человѣка, состоящаго «при своемъ капиталѣ», знающаго, что имъ «за все заплачено» и потому увереннаго, что безъ него дѣло не обойдется. Въ дворянскихъ же адресахъ и ходатайствахъ слышится тонъ человѣка, который нѣсколько поиздержался...» Каково же вѣроятное въ будущемъ соотношеніе силъ въ нашей освободительной эпохѣ? «Условія нашей соціальной жизни измѣняются, они уже значительно измѣнились... Поэтому слѣдующій за дворянствомъ классъ, буржуазія навѣрно сыграетъ роль уже во многихъ отношеніяхъ похожую на роль западной, буржуазіи.²⁾ Рабочій же классъ прямо не въ состояніи будетъ найти иной роли, тѣмъ та, которую этотъ классъ имѣлъ на Западѣ.³⁾ Если внимательно слѣдить за историческими паралелеми и политическими наблюденіями, которыя Г. Плехановъ высказывалъ въ «Соціализмѣ и полит. Борьбѣ», въ «Нашихъ Разногласіяхъ» и въ «Соціальдемократѣ», то не трудно уже и въ этихъ произведеніяхъ найти много элементовъ, которые, какъ мы увидимъ, послужили впослѣдствіи материаломъ для построенія идеи гегемоніи пролетаріата въ русской революціи. Но въ описываемое время, въ 1890 г. Г. Плехановъ еще этого вывода не дѣлалъ, что лучше всего видно изъ послѣдней только что приведенной цитаты. Въ ней Г. Плехановъ подчеркиваетъ сходство нашихъ условій съ условіями, въ которыхъ находились западныя страны наканунѣ своихъ революцій, чтобы доказать, что и у насъ неизбѣжна буржуазная революція. Но онъ здѣсь еще не подчеркиваетъ того принципіального различия этихъ условій, изъ которого вытекаетъ возможность для русскаго пролетаріата революціонной гегемоніи, которой не имѣть въ соответствующую эпоху пролетаріатъ западныхъ странъ. Это, конечно, не исключаетъ того, что Г. Плехановъ уже и въ то время разсчитывалъ на относительно большую степень самостоятельности русскаго рабочаго движения по сравненію съ западнымъ въ 40-хъ г.г.: это, какъ мы видѣли, была основная предпосылка для «Гр. Осв. Тр.»

Только послѣ голода 1891 г., когда неудачный опытъ съ «Лигой для борьбы съ голodomъ» и обнаружившаяся крайняя политическая пассивность всѣхъ слоевъ общества показали, что послѣдніе остатки старой народнической революціонной интеллигентіи окончательно потеряли жизнеспособность, «Г. О. Т.» воочию убѣдалась, что приходится нѣкоторымъ образомъ начинать исторію сначала, вмѣстѣ съ тѣмъ, ея десятилетнія пропаганда начала понемножку прививаться въ жизни, въ Россіи стали образовываться с.-д.-кіе пропагандистскіе кружки, — и постѣ 1892 г. показались первые проблески стихійнаго рабочаго движения. Только тогда, съ начала 1895 г. «Гр. О. Т.» стала все болѣе укрепляться въ мысли, что въ наступающей «новой эрѣ» благодаря особенностямъ историческаго положенія Россіи, есть много оснований разсчитывать на революціонную гегемонію пролетаріата, предполагающую продолжительный процессъ его политического выступленія. Эта мысль пробивается уже во всѣхъ статьяхъ П. Аксельрода, помѣщенныхъ въ «Работнике» постепенно все болѣе оформляясь.⁴⁾ Въ 1897 г. онъ ее развиваетъ въ печати уже определенно, хотя въ отрывочной формѣ, въ противовѣсъ зарождавшемуся тогда «экономизму» («письма о современныхъ задачахъ и тактике» 1897 г.), а въ 1898 г. онъ развиваетъ ее въ законченной формѣ, въ конкретно-историческихъ терминахъ въ «Neue Zeit», гдѣ онъ выясняетъ передъ германской соціальдемократіей историческую особенности нашихъ задачъ (Историч. положеніе и взаимное отношеніе либеральной и соціалистич. демократіи въ Россіи. 1898 г.).

¹⁾ Кстати самъ Г. В. Плехановъ, въ Vademecumъ, выражая противъ неизбѣжной клеветы, будто онъ въ этой рѣчи рассматривалъ рабочихъ лишь, какъ «орудие», какъ «щуческое мясо», для поясненія своей точки зрѣнія отсылаетъ читателя къ брошюрамъ «соціализмъ и полит. борьба» и «Наші разногласія». Но тамъ, какъ мы видѣли, онъ говоритъ лишь объ образованіи элементовъ для будущей рабочей партіи. См. Vademecum стр. XIV.

²⁾ Тутъ Г. Плехановъ въ примѣчаніи отмѣчаетъ, что и на Западѣ, впрочемъ, буржуазія въ разныхъ государствахъ играла различную роль.

³⁾ См. «Соціальдемократъ». Кн. первая 1890 г. «Внутренніе Обозрѣнія» стр. 61, 64, 65, 66.

⁴⁾ См. напр. статью П. Аксельрода «Борьба железнодорожныхъ рабочихъ въ Швейцаріи», написанную въ 1896 г.

⁵⁾ Въ совершеніи абстрактной формѣ мысли о революціонной гегемоніи высказывалась П. Аксельродомъ и Г. Плехановымъ кое гдѣ въ болѣе раннихъ про-

Раньше, чѣмъ изложитъ, какъ П. Аксельродъ ставилъ вопросъ о роли пролетаріата въ революції въ указанныхъ статьяхъ, мы должны сдѣлать одно необходимое разъясненіе. Теперь «Пролетарій» открываетъ въ нихъ «отступленіе» отъ взглядовъ Г. Плеханова. Это обвиненіе не ново. Подобное же «отступленіе» отъ традиціонныхъ взглядовъ «Г. О. Т.» открыли въ свое время въ названныхъ статьяхъ П. Аксельрода такъ наз. «экономисты». На это обвиненіе П. Аксельродъ отвѣчалъ въ 1899 г., что предположеніе насчетъ его разногласія съ Плехановымъ «лишено даже тѣни основанія».

Это написано на 11 стр. «Письма въ редакцію Рабочаго Дѣла», на обложкѣ котораго помѣчено: «Подъ редакціей Гр. Осв. Тр.» И Г. Плехановъ со своей стороны въ *Vademecum*¹⁾ заявилъ, что онъ всепѣло становится на сторону П. Аксельрода во всемъ этомъ спорѣ. Мнимое «отступленіе» П. Аксельрода заключалось въ томъ, онъ исторически конкретизировалъ и дальше развивалъ то, что до него намѣчили основныя изслѣдованія Г. Плеханова, и если эта задача болѣе закопченного обоснованія нашей тактики выпала на долю П. Аксельрода, то объясняется это ис разногласіями и не отѣнкомъ во взглядахъ, а гораздо проще: Г. Плехановъ вѣль идеиную борьбу въ плоскости политической, философской, соціологической, экономической и литературной, а въ указанное время въ средину 90-хъ годовъ, передъ нимъ открылась новая арена для борьбы въ легальной печати (онъ тогда издалъ «Волгина» и «Бельтова»). П. Аксельродъ же сосредоточилъ свое вниманіе специально на вопросахъ тактики.

Уже въ 90 — 92 г.г. П. Аксельродъ въ рядѣ статей, посвященныхъ германской соц.-демократіи, связывалъ ея тактику и ея успѣхи съ тѣмъ, что она играетъ роль авангарда въ борьбѣ за демократизацію страны. Анализируя политическую обстановку, въ которой ей приходится дѣйствовать, онъ показывалъ, что она въ этой роли наглакивается на сопротивленіе почти всѣхъ слоевъ буржуазнаго населенія, потому что на уровнеѣ специальнно-экономического развитія Германіи рѣшительная победа соц.-демократіи была бы фактически прологомъ къ соціалистической революціи. Изолированностью пролетаріата въ современной Германіи П. Аксельродъ объяснялъ въ этихъ статьяхъ, почему германскій пролетаріатъ не въ силахъ еще выступить сейчасъ на открытый революціонный путь, какъ это хотѣлось бы нѣкоторымъ легкомысленнымъ критикамъ германской соц.-демократіи. Принципиально отлично, говорить онъ тамъ, положеніе вещей въ современной Россіи: «Абсолютизмъ превратился почти исключительно въ охранителя частныхъ интересовъ семьи Романовыхъ и опирается преимущественно на инерцію, дезорганизованность и забитость населенія.»²⁾ Ту же мысль П. Аксельродъ развиваетъ въ 1898 г. на страницахъ *Neue Zeit*. «Даже въ свободныхъ государствахъ отпещеніе къ буржуазіи, какъ къ сплошной одилаково «реакціонной массѣ», шло въ разрѣзъ съ дѣйствительностью. Но извѣстный тактический лозунгъ германской соціальдемократіи имѣеть въ основаніи своеъ все-таки реальну историческую подкладку... Въ Россіи же, где историческая почва для такого враждебнаго отпещенія всей буржуазіи къ пролетаріату еще на созрѣла, такая тактика стояла бы въ рѣзкомъ противорѣчіи съ реальнымъ положеніемъ этихъ классовъ... Она искусственно способствовала бы изолированію нашего рабочаго движенія въ то время, когда оно еще нуждается въ союзникахъ и во вѣнѣшней помощи.»³⁾ Въ цитированныхъ словахъ П. Аксельродъ отмѣчаетъ национальную особенность въ положеніи русскаго пролетаріата въ отличіе отъ современного западно-европейскаго, которая позволяетъ намъ разсчитывать на близость русской революціи и на то, что нашъ пролетаріатъ въ революціи не будетъ одинокимъ.

Въ той же, только что цитированной статьѣ, П. Аксельродъ указываетъ на рядъ другихъ своеобразныхъ историческихъ условій, не имѣвшихъ места на Западѣ наканунѣ буржуазныхъ революцій 19-го вѣка и создающихъ у насъ почву для безпрѣмѣнной еще въ исторіи самостоятельной и даже руководящей роли пролетаріата въ буржуазной революціи. Эти условія отмѣчались отчасти уже и раньше. На основное изъ этихъ условій уже указывалъ Г. Плехановъ въ своихъ произведеніяхъ, а именно на то, что соціалистическое движеніе у насъ возникло подъ вліяніемъ Запада, за долго до возвращенія капиталистическихъ отношеній и что у насъ имѣется уже теперь современный промышленный пролетаріатъ, который на Западѣ наканунѣ революціи не успѣлъ еще дифференцироваться отъ цеховыхъ ремесленниковъ. Затѣмъ слѣдуетъ другое условіе — своеобразные судьбы русскаго либерализма его слабость, связанныя съ временнай «идилліей», царящей въ отношеніяхъ буржуазіи и правительства, на что опять-таки указывалъ Г. Плехановъ отчасти въ 80-хъ г.г., главнымъ же образомъ въ цитированныхъ выше Внутр. Обозрѣніяхъ «Соціальдемократа» и въ брошюре «О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ». Впрочемъ Г. Плехановъ отмѣтилъ лишь одну сторону изъ этого явленія и не дѣлалъ еще изъ него соотвѣтственныхъ выводовъ насчетъ возможной гегемоніи пролетаріата. Наконецъ, третью — это условія, благоприятныя для культурнаго роста русскаго пролетаріата, на которыхъ указывали Г. Плехановъ и П. Аксельродъ въ началѣ 90-хъ годовъ. Г. Плехановъ въ серии статей — «Наши беллетристы — народники» указывалъ на то, какъ

изведеніяхъ. Такъ П. Аксельродъ еще въ 1889 г. въ брошюре «Задачи рабочей интеллигенціи въ Россіи» рисовалъ передъ послѣдней перспективу гегемоніи пролетаріата въ русской революціи. Но въ этой популярной брошюре перспектива гегемоніи пролетаріата изображается въ такихъ общихъ и абстрактныхъ терминахъ, что она посить еще характеръ скорѣе благого желанія, чѣмъ исторически обоснованного мѣнѣнія. Такой же характеръ имѣеть картина революціонной гегемоніи, которую Г. Плехановъ рисовалъ въ 1892 г. въ брошюре «Задачи соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ». Впрочемъ Г. Плехановъ здѣсь изображаетъ гораздо болѣе стройную перспективу — не гегемонію пролетаріата, а гегемонію революціонеровъ съ демократами. Но поскольку брошюра пріурочивалась къ данному моменту борьбы съ голодомъ, и эта болѣе скромная перспектива имѣла значеніе лишь пропагандистскаго урока, попудрившаго и иллюстрирующаго тактические принципы Коммунистическаго Манифеста. Письма, которыя «Г. О. Т.» получила по поводу брошюры Г. Плеханова «Всероссійское разореніе», показали что тогдашніе молодые с.-д-ты нуждались въ такомъ урокѣ.

¹⁾ См. П. Аксельродъ. «Политическое пробужденіе рус. рабочихъ» 1892 г. «Револ. силы Россіи прежде и теперь» 1895 г., и его же «Истор. полож.» и т. д. «Работникъ» № 5 и 6, стр. 69.

²⁾ См. П. Аксельродъ. «Историческое положение и взаимное отношение либер.

и соціал. демократіи въ Россіи.» «Работникъ» № 5 — 6, стр. 63 — 64.

отмираютъ наши родныя «обломовки», какъ быстро исчезаетъ «сплошной быть» деревни, какъ на смѣну мужику, который не долженъ быть ни во что «вникаться» выступаетъ жаждущій знаній пролетарій и какъ это неумолимо отражается на самомъ характерѣ «народолюбія» интеллигента. П. Аксельродъ же въ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ *«Neue Zeit»* въ 1892 и 1895 г.г., показывалъ, какъ специфическая условія развитія русскаго государства въ современной международной обстановкѣ создаютъ почву для такого культурнаго подъема «низовъ», который не могъ имѣть чѣста въ соотвѣтственныхъ дореволюціонныхъ эпохи на Западѣ. Во имя «национальной борьбы за международное могущество» государство, говорить онъ, вначалѣ само выступило у насъ носителемъ европейскаго прогресса. Во имя этого же оно вынуждено было взять на себя инициативу освобожденія крестьянъ. Съ этого же момента положеніе менѣется: «открывается эпоха, характеризующаяся прежде всего перемѣщеніемъ движущихъ историческихъ силъ изъ высшихъ сферъ чисто государственныхъ интересовъ въ сферы политическихъ интересовъ и плебейскихъ соціальныхъ силъ націи.» И государство даже въ такую ультра-реакціонную эпоху, какъ царствование Александра III вынуждено было съ этимъ мириться во имя тѣхъ же интересовъ самосохраненія. Въ результатахъ, отмѣчаетъ П. Аксельродъ, уже въ 1898 г., у насъ имѣются такие современные «рычаги умственного и политического развитія массъ», которыхъ не знала не только Франція наканунѣ Великой Революціи, но и Австрія 50 лѣтъ тому назадъ — читальни, библиотеки, публичныя лекціи, газеты, жѣлѣзныя дороги и пр.)*

Къ этому циклу идей примыкаетъ исторический анализъ, сдѣланный П. Аксельродомъ въ 1898 г. въ статьѣ «Историч. положеніе и т. д.» Въ этой статьѣ П. Аксельродъ указываетъ на то, что наша буржуазная профессіональная интеллигенція и наши культурные землевладѣльцы-дворяне въ настоящее время особенно страдаютъ отъ отсталыхъ методовъ первоначального накопленія и отъ всероссійского разоренія, связанныхъ со всей нашей политической и финансовой системой, а такъ какъ въ то же время промышленники и комерсанты пользуются исключительнымъ покровительствомъ правительства и потому живутъ съ нимъ въ ладу, то въ результатѣ у насъ получается сейчасъ своеобразное явленіе: «Въ Россіи передовыя элементы дворянства и интеллигентій борются тоже за національные интересы и потребности капиталистического прогресса, но именно противъ... соціального представителя капитализма», что лучше всего видно при сопоставленіи нашихъ либеральныхъ земствъ съ плутократическими думами). Это положеніе, говоритъ П. Аксельродъ, конечно, не прочно: «это было бы противно самымъ элементарнымъ представлениямъ о движении общества... Именно дальнѣйшія все болѣе и болѣе усиливающіяся проявленія потребностей и стремлений оппозиціонныхъ, враждебныхъ капиталистической буржуазіи классовъ и сословий должны вызвать въ недалекомъ будущемъ столкновеніе между ней и правительствомъ... смыщеніе въ одну буржуазную консервативную кучу всѣхъ капиталистическихъ элементовъ и теперь уже далеко не соответствуетъ дѣйствительности.» Но это дѣлъ все-таки будущаго; пока же изъ переходнаго состоянія русскаго либерализма вытекаютъ очень важныя послѣдствія для пролетаріата. «Русский либерализмъ», говоритъ авторъ, лишнѣ пока возможности найти себѣ достаточную поддержку въ измѣнѣвшихъ мас-ахъ, чтобы заставить правительство выступить на путь серьезныхъ политическихъ уступокъ. Отсюда П. Аксельродъ такъ же, какъ и Г. Плехановъ, выводить «политическую слабость русского либерализма». Конечно, поскольку нашъ либерализмъ отстаиваетъ фактически интересы капиталистического развитія, правительство уже изъ государственныхъ соображеній вынуждено ему дѣлать нѣкоторыя уступки. Но «имѣя въ виду линии эти (высшия) сословія, можно было бы даже скорѣе сказать, что уступки правительства скорѣе ослабляютъ оппозицію, усиливъ недовольство однихъ и затрудняя или замедляя пробужденіе его въ средѣ другихъ имущихъ классовъ»³⁾. Однако, это же самое безсиліе либерализма заражаетъ его нѣкоторымъ «демократизмомъ» и побуждаетъ его, пользуясь своимъ выгоднымъ общественнымъ положеніемъ, заботиться объ усиленіи общественной инициативы за счетъ бюрократіи, содѣйствовать распространѣю народнаго образованія и пр. Все это само по себѣ несмотря на важныя общественные позиціи, занимаемыя либералами, не имѣло бы серьезнаго политическаго значенія, но тутъ на сцену выступаетъ пролетаріатъ: «Постепенное проникновеніе культурныхъ и общественныхъ элементовъ въ русскую жизнь создастъ почву и орудіе для политического пробужденія пролетаріата уже въ тискахъ абсолютизма. Въ этомъ то и лежитъ революціонное значеніе и центръ тяжести, съ формальной, вѣнѣшней стороны, политически совершенно певинныхъ усилий нашего либерализма преобразовать русскую дѣйствительность.»

Не нужно, однако, думать, продолжаетъ авторъ, что либералы, чувствуя свою слабость, сами готовы, или готовы будутъ апеллировать къ пролетаріату. Эта задача у насъ выпадаетъ на долю демократической интеллигенціи, которую «прежде всего толкаетъ въ этомъ направлении», та же «политическая слабость русского либерализма».⁴⁾

Г. Плехановъ и П. Аксельродъ въ 90-хъ г.г. неоднократно указывали, что даже въ первой фазѣ массового рабочаго движенія матеріалъ для политической агитации долженъ черпаться не только изъ сферы антагонизма рабочихъ съ предпринимателями. Въ дальнѣйшемъ же прямая «аттака на абсолютизмъ» не только явится необходимымъ условиемъ для выполненія пролетаріатомъ его исторической миссіи, какъ авангарда въ борьбѣ за демократію, — она явится также необходимымъ условиемъ для ближайшихъ успѣховъ рабочаго движенія, ибо, говоритъ П. Аксельродъ, «начавши недавно только выѣхать изъ закрѣпощенія государству, малокультурнаго крестьянства, онъ (пролетаріатъ) и теперь еще въ массѣ слишкомъ глубоко тонетъ въ общепародномъ варварствѣ и невѣжествѣ, чтобы быть въ состояніи — въ тискахъ абсолютизма — совершенно самостоятельно, безъ всякой посторонней поддержки, под-

1) См. П. Аксельродъ. «Политическое пробужденіе рус. рабочихъ» 1892 г. «Револ. силы Россіи прежде и теперь» 1895 г., и его же «Истор. полож.» и т. д. «Работникъ» № 5 и 6, стр. 69.

2) См. П. Аксельродъ. «Историческое положение и т. д.» «Работникъ» № 5 — 6.

3) См. Ibid стр. 48, 52, 58.

4) См. Ibid стр. 48, 49, 56.

няться на высоту сознательной революционной силы»; этой же поддержки пролетариатъ лишился бы, если бы онъ не выступилъ на борьбу съ абсолютизмомъ, «хотя и подъ классовымъ знаменемъ пролетариата, но во имя и въ защиту всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ*). Задача привлечения себѣ союзниковъ изъ другихъ слоевъ населения есть, такимъ образомъ, одна изъ насущнѣйшихъ для пролетариата. Но П. Аксельродъ, который съ первого же своего соц.-демократического выступления, съ 1884 г. обращался непосредственно къ рабочей интеллигенции, который упраимо стучался въ эту дверь, когда она была еще нагло закрыта, не думалъ о решеніи этой задачи путемъ усиленной работы въ непролетарской средѣ. «Для воздѣйствія на эти слои», писалъ П. Аксельродъ въ 1897 г., «отнюдь нѣтъ необходимости, чтобы соц.-демократы отправились действовать въ ихъ средѣ. Задача приобрѣтенія русскими соціаль-демократами приверженцевъ и прямыхъ или косвенныхъ союзниковъ среди непролетарскихъ классовъ рѣшается прежде всего и главнымъ образомъ характеромъ агитационно-пропагандистской дѣятельности въ средѣ самого пролетариата... Указанная задача требуетъ расширѣнія объема агитации и пропаганды вопросами, представляющими особые узловые пункты, въ которыхъ сходятся и переплетаются интересы какъ пролетариата, такъ и другихъ классовъ, угнетаемыхъ или тѣснѣмыхъ абсолютизмомъ и покровительствуемой имъ капиталистической буржуазіей.**)

Этимъ намѣчается путь, по которому пролетариатъ постепенно можетъ возвыситься до роли передового борца за демократію: «Разъ наше рабочее движение сознательно пойдетъ по этому пути... пролетариатъ станетъ, вмѣсто крестьянства, средоточиемъ ея (демократической интеллигенціи) идеальныхъ интересовъ, стремлений и надеждъ... До сихъ поръ... крестьянство имѣло какъ бы привилегію быть специальнымъ объектомъ ихъ (общественныхъ учрежденій) заботливости и народолюбія. Но оно играетъ при этомъ роль пассивного и беспомощнаго существа, вызывающаго лишь чувство состраданія. Съ приобрѣтеніемъ же пролетариатомъ вліянія въ этихъ сферахъ, народолюбіе оппозиціонной буржуазіи получить... существенно иной характеръ. Импульсы будутъ исходить изъ среды революціонно борющагося народнаго класса и станутъ удобной почвой для постояннаго воздѣйствія и своего рода союза между организованнымъ авангардомъ этого класса и передовыми свободомыслищими кругами». Въ другомъ мѣстѣ П. Аксельродъ изображаетъ ту же перспективу другими словами: «Соціальдемократія организуетъ русскій пролетаріатъ въ самостоятельную политическую партію, борющуюся за свободу, частью и въ союзѣ съ буржуазными революціонными фракціями (поскольку таковы будуть въ наличности), а частью же привлекая прямо въ свои ряды или увлекая за собой наиболѣе народолюбивые и революціонные элементы изъ интеллигенціи».

Теперь ясно, чѣмъ отличалась у «Гр. Осв. Тр.» постановка вопроса о роли пролетариата въ революціи въ 80-хъ и 90-хъ гг. И въ 80-хъ гг. Г. Плехановъ разсчитывалъ на то, что пролетариатъ явится у насть главнымъ рычагомъ революціи, что онъ своимъ движениемъ разбудить всѣ дремлющія политическія силы страны. Онъ уже въ «Нашихъ разногласіяхъ», доказывалъ, что революціонное движение пролетариата «вдохнуло бы новую увѣренность въ сердца всѣхъ сторонниковъ политической свободы», что оно «придастъ храбрость» такъ наз. обществу, что оно послужить «связующимъ звеномъ» между революціонной интеллигенціей и крестьянами и будетъ содѣйствовать «вовлечению деревни въ русло всемирнаго историческаго движения»***). Въ 90-хъ же годахъ, благодаря измѣнившимъся обстановкѣ, П. Аксельродъ могъ рисовать уже болѣе смѣлую перспективу, что пролетариатъ въ лицѣ своего авангарда воспитается до роли главнаго сознательнаго двигателя революціи, дающаго главные импульсы революціи, планомѣрно руководящаго движениемъ наиболѣе демократическихъ слоевъ населения и планомѣрно же поддерживающаго и толкающаго впередъ болѣе умѣренныя элементы. Но при этомъ П. Аксельродъ такъ же, какъ и Г. Плехановъ, неизмѣнно указывалъ, что въ общенаціональномъ движении будутъ участвовать различные самостоятельно организованные общественные силы, имѣющія различные центры тяготѣнія. Такъ, напр., въ статьѣ «Истор. положеніе и т. д.» П. Аксельродъ различаетъ для «сравнительно» близкаго будущаго «три общественныхъ слоя, какъ наиболѣе важные элементы движения». По поводу первого изъ этихъ «элементовъ движения» — «свободомыслищихъ слоевъ землевладѣльческаго сословія» онъ говоритъ: «эти круги лишены политическаго значенія, потому что принадлежатъ къ классу эксплуататоровъ, являющимся въ то же время еще привилегированнымъ сословіемъ» и «внушающему сельскимъ массамъ частью ненависть, частью страхъ»****). Очевидно, что рабочая партія, которая, по словамъ того же П. Аксельродъ, должна была выступать, какъ руководитель всѣхъ трудящихся слоевъ Россіи, не могла одновременно ставить себѣ задачей непосредственное руководство движениемъ выше охарактеризованныхъ либеральныхъ землевладѣльцевъ, а должна была лишь стремиться использовать это движение.

Въ своей статьѣ «Истор. положеніе и т. д.» П. Аксельродъ не говорилъ о внутреннѣхъ конфликтахъ между разными элементами, участвующими въ освободительному движениі, о конфликтахъ, которые неизбѣжно должны были обостряться въ разгарѣ революціи, и соответственно усложнить методы воздѣйствія пролетариата на буржуазную оппозицію и это, какъ видно, между прочимъ, побудило теперь глубокомысленаго фельетониста «Пролетарія» искать у П. Аксельрова «отступленія» отъ Г. Плеханова. Но это мнимое «отступленіе» объясняется весьма просто тѣмъ, что П. Аксельродъ въ статьѣ не задавался цѣлью предсказывать весь будущій ходъ развитія революціонного движения, а лишь намѣчалъ первые этапы его на основаніи наличнаго конкретнаго политическаго положенія. Въ общей формѣ наступленіе въ будущемъ такихъ конфликтовъ было аксиомой, о которой, какъ о чѣмъ-то само собою разумѣющемся, П. Аксельродъ говорилъ еще въ своихъ популярныхъ брошюрахъ 80-хъ годовъ и которая въ 90-хъ гг. побудила его выступить на борьбу съ «экономизмомъ», какъ съ тактикой, угрожающей политическимъ порабощенiemъ

*). П. Аксельродъ, «Къ вопросу и т. д.» стр. 13, 15, 16.

**). См. Ibid. стр. 16, 17.

***). См. Плехановъ, «Наши разногласія», соч. т. I, стр. 519—520, 528, 530.

****). Аксельродъ, «Истор. положеніе и т. д.», стр. 66.

пролетаріата буржуазіей. Конкретный же стороны и послѣдствія этихъ будущихъ конфликтовъ въ 90-хъ гг., конечно, невозможно было еще предвидѣть. Такъ, напримѣръ, мы напрасно бы стали искать въ тогдашнихъ произведеніяхъ П. Аксельрова предсказанія насчетъ той господствующей роли, которую будетъ играть революціонная интеллигенція, какъ общественный слой, въ ближайшій періодъ развитія рабочаго движения; мы не найдемъ тамъ указаній насчетъ того, что будущее самоопредѣленіе буржуазіи, сдѣлавъ болѣе тѣснѣмъ предѣлы вліянія на нее пролетаріата, съ другой стороны облегчить его же воздействиѳ на нее, поскольку самоопредѣленіе буржуазіи дастъ толчекъ къ одновременному самоопредѣленію рабочаго класса и къ его освобожденію отъ интеллигентской гегемоніи. «Гр. Осв. Тр.» дала и могла дать въ 90-хъ гг. только самыя общія основы тактики.

Куда логически должна была привести въ моментъ революціи та гегемонія пролетаріата, о которой говорила «Гр. Освоб. Тр.» въ 90-хъ гг.? Большевики утверждаютъ, что прямой логическій выводъ изъ нея — «диктатура пролетаріата и крестьянства», это глубокое заблужденіе. Это противорѣчить всему характеру грядущей русской революціи, какъ онъ изображенъ Г. Плехановымъ и П. Аксельродомъ.

И Г. Плехановъ, и П. Аксельродъ въ 90-хъ гг. исходили изъ общаго положенія, что въ Россіи имѣютъ будущее двѣ сознательныя политическія силы — либеральная и соціальная демократія,*). Если, следовательно, предположить, что сила прошлаго — абсолютизмъ, будетъ окончательно уничтожена революціей, то съ точки зрењія «Гр. Осв. Тр.» и въ этомъ случаѣ либеральная и соціальная демократія должны были въ моментъ революціи стоять другъ противъ друга, какъ двѣ крупныя сознательныя силы. Правда, и Г. Плехановъ, и П. Аксельродъ въ 90-хъ гг. одинаково констатировали политическое ничтожество современного русского либерализма, а П. Аксельродъ даже въ этомъ обстоятельствѣ усматривалъ одно изъ важнѣхъ условій для гегемоніи пролетаріата, но, съ другой стороны, какъ мы видѣли, и Г. Плехановъ и П. Аксельродъ считали это состояніе либерализма преходящимъ, причемъ П. Аксельродъ предсказывалъ, что саморазвитіе революціоннаго движенія толкнетъ промышленный классъ въ оппозицію и тѣмъ самымъ создастъ для либерализма недостающую ему точку опоры въ имущихъ классахъ.

Перспектива будущаго политического самоопредѣленія буржуазіи, конечно, говорила за то, что въ ея лицѣ у пролетаріата вырастетъ могущественный противникъ, съ которымъ ему придется вести упорную борьбу въ эпоху революціи. Но, съ другой стороны, Г. Плехановъ множество разъ указывалъ, и въ этомъ съ нимъ, конечно, вполнѣ былъ согласенъ П. Аксельродъ, что то же самоопредѣленіе буржуазіи и ея конфликты съ абсолютизмомъ являются необходимымъ условіемъ успѣха революції. Очевидно и имъ въ голову не приходила мысль объ единовременномъ низверженіи власти старого режима и заодно буржуазіи. Мало того, мы можемъ достовѣрно утверждать, что въ 90-хъ гг. съ идеей гегемоніи пролетаріата даже не связывалось еще мысли о рѣшительной победѣ революціи и объ учрежденіи республики.

«Гр. Осв. Тр.» въ 90-хъ гг. отъ гегемоніи пролетаріата ждала, во-1-хъ, того, что она создастъ наиболѣе благопріятное для демократіи соотношеніе силъ въ моментъ революціи и обеспечить максимальну при данныхъ условіяхъ завоеваніе для народа; во-2-хъ, она обезпечить наиболѣе почетное и вліятельное положеніе для рабочей партіи посредствомъ революціи.

Еще одинъ послѣдній вопросъ: считала ли «Гр. Осв. Тр.» гегемонію пролетаріата неизбѣжной? Нѣтъ, говорила она; это возможно будетъ только при одномъ условіи, — если пролетаріатъ будетъ бороться подъ знаменемъ соціальдемократіи, и если соц.-демократическая партія будетъ стоять на высотѣ своего положенія. «Две крайности», писалъ П. Аксельродъ въ 98 г., могутъ угрожать нашему рабочему движенію: «Во-первыхъ, еслибы это движеніе не вышло изъ колеи частныхъ столкновеній рабочихъ съ отдѣльными предпринимателями. Это лишило бы его всякаго политическаго интереса... Но, быть можетъ, еще хуже была бы другая крайность. Я имѣю въ виду тотъ случай, еслибы наше рабочее движение, увлеченное бакунистскими и бланкистскими теченими, поставило бы своей непосредственной практической цѣлью анархическую или коммунистическую революцію. На практикѣ оно выразилось бы тогда въ безпорядочныхъ, легкомысленно вызываемыхъ стачкахъ, сопровождаемыхъ насилиями... и силы пролетаріата были бы, такимъ образомъ, растрѣчены, понапрасну... Что касается первой крайности, то отъ нея мы застрахованы царскимъ режимомъ. А предохранить наше рабочее движение отъ вліянія бакунистовъ и бланкистовъ есть прямая обязанность господствующихъ въ пѣмъ соціальдемократическихъ элементовъ**). Это писалъ П. Аксельродъ въ 98 г. Но то же самое въ болѣе общей формѣ говорилъ Г. Плехановъ еще въ 84 г.: «Для насть не должно оставаться потеряннымъ то въ высшей степени важное обстоятельство, что соціалистическое движение началось у насть въ то время, когда капитализмъ былъ еще въ зародыши. Эта особенность русского исторического развитія... составляетъ безспорный... фактъ, который принесетъ огромную пользу дѣлу нашего рабочаго класса, если только русскіе соціалисты не растратятъ своей умственной и нравственной энергіи на постройку воздушныхъ замковъ въ стилѣ удѣльно-вѣчевой эпохи»***).

Таковы были въ 90-хъ гг. взгляды «Гр. Осв. Тр.» на роль нашего пролетаріата въ революціи, взгляды, къ которымъ примкнула редакція «Искры», избравшая своимъ лозунгомъ слова П. Аксельрова изъ его писемъ о тактике.

Таково было общее идеиное наслѣдство, принятое у «Гр. Осв. Тр.» будущими б-ми и м-ками.

А. Мартыновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

*). Крестьянство, какъ малосознательное демократическое сословіе, по предложению Г. Плеханова и П. Аксельрова, неоднократно ими высказанному въ періодъ существованія «Гр. Освоб. Тр.», пойдеть въ значительной своей части за пролетаріатомъ.

**). См. Аксельродъ, «Истор. положеніе и т. д.», стр. 61.

***). См. Плехановъ, «Наши разногласія», соч. т. I, стр. 432.